

Разъясненіе недоразумѣній по дѣлу дифтерита въ полтавской губерніи.

О дифтеритѣ полтавской губерніи и о мѣропріятіяхъ противъ этой, по продолжительности, жестокой эпидеміи писалось уже такъ много, что читатель едва ли обратитъ вниманіе на новую еще статью, все о томъ же самомъ, повидимому, уже исчерпанномъ предметѣ. Немногое, однако же, изъ того, что писалось, передавало истинное положеніе дѣла, частью по незнанію и непониманію сущности самого дѣла, частью же писалось по увлеченію какою-либо предвзятою мыслью или подъ влияніемъ личныхъ отношеній.

Всѣмъ извѣстно, что предпринятый въ минувшемъ году въ полтавской губерніи, походъ противъ эпидеміи дифтерита не увѣнчался желаннымъ успѣхомъ и породилъ множество разнообразныхъ толковъ и нареканій. Выяснить именно тѣ обстоятельства, при которыхъ наше высокое дѣло народной помощи не могло быть исполнено, такъ какъ это было всѣми ожидаемо, со-

ставляеть цѣль этой статьи. Начнемъ съ самаго начала:

I.

Ассигнованіе полтавскимъ земствомъ суммы 100,000 рублей на борьбу съ эпидеміею дифтерита было безспорно разумный актъ, вызванный человеколюбіемъ и нравственнымъ долгомъ относительно народнаго бѣдствія. Онъ совершенъ былъ почти единогласно, но, къ сожалѣнію, на четвертый годъ существованія эпидеміи. Бѣдствіе населенія было слишкомъ большое, и недовѣряя своимъ силамъ, гласные признали нужнымъ обратиться за помощью внѣ губерніи. Это чувство недовѣрія къ себѣ, сознаніе своей недостаточности и слабости, передъ громадною задачею, имѣло въ основаніи истинное и правильное пониманіе дѣйствительнаго положенія вещей; имъ какъ бы требовалось охраны предчувствуемой неудачи. Предметъ народнаго здоровья при распространяющейся заразной болѣзни имѣлъ интересъ не для одной полтавской губерніи и вызвалъ сочувствіе всей Россіи. Просимая помощь

была оказана скоро и щедро обществомъ „Краснаго Креста.“ Дѣло, казалось, началось съ хорошими предсказаніями и подавало полную надежду на успѣхъ и сумма, сверхъ ожиданія, образовалась почтенная, такъ какъ всякую сумму, заходящую за 100,000, уже нельзя назвать обыкновенною, но цѣны предметовъ несуществующихъ въ продажѣ ни на одномъ изъ рынковъ земного шара, недоступны никакимъ соображеніямъ и соразмѣрна ли была эта сумма съ величиною того дѣла, на которое она была назначена, — этого никто въ то время не сообразилъ. Дѣло было новое и надежды были обманчивы. Человѣкъ, въ первый разъ въ жизни видящій сколько-нибудь высокую гору, не имѣя мѣры разстоянія отъ нея своего глаза, непременно сочтетъ ее легко и скоро достижимою, но по мѣрѣ приближенія выясняются истинные размѣры и препятствія, встречаемые на пути, могутъ быть и непреодолимыми. Такъ, дѣло дифтерита, совершенно новое, стояло передъ нами и мы горячо принялись за него, но оно невидимо ускользало изъ слабыхъ

рукъ нашихъ и вліяніе дѣйствій нашихъ не было замѣтно: люди умирали по прежнему и на насъ посыпались упреки. Что касается меня лично, то я никогда и не думалъ о возможности пресѣчь эпидемію дифтерита въ полтавской губерніи и надежды на это не проявлялъ ни устно, ни печатно.

Прошло три мѣсяца и въ собраніи 29 апрѣля дѣйствія распорядительнаго комитета подверглись сильному осужденію, въ неправильности и неумѣлости. Безполезность существованія такого учрежденія и всѣхъ его распоряженій слышалась отовсюду и доказывалась числами заболѣвшихъ и умершихъ въ запискѣ отъ имени гласныхъ одного уѣзда. Я былъ свидѣтелемъ всѣхъ дѣйствій распорядительнаго комитета и мнѣ хорошо извѣстно, что членами его приложены были всевозможныя старанія къ исполненію наилучшихъ къ прекращенію эпидеміи предначертаній, но успѣхъ дѣла, въ томъ смыслѣ какъ его ожидали земство и общество „Краснаго Креста“, былъ не въ нашихъ рукахъ и никакія, самыя лучшія, распоряженія не могли получить того, что

недостижимо для рукъ человѣка, т. е. для насъ и современниковъ нашихъ. Что будетъ въ будущемъ, того мы не знаемъ: среди народовъ, стоящихъ на низкой степени умственнаго развитія, нѣтъ и мысли о возможности борьбы съ какою либо эпидеміею и самое возникновеніе такой мысли могло произойти только на почвѣ извѣстной степени образованія. Такіе замыслы человѣка, безъ сомнѣнія, обнаруживаютъ его могучую природу и составляютъ залогъ достиженія того, къ чему человѣкъ стремится, но это достижимо при иныхъ совершенно порядкахъ, въ будущемъ и даже можетъ быть не очень близкомъ, а пока еще ни одно государство не показало примѣра успѣшной борьбы съ развитою въ такой степени, какъ у насъ въ полтавской губерніи, эпидеміею и какая поставлена была задачею распорядительному комитету.

II.

За невозможностью прекратить эпидемію, оставалось еще огромное поприще великаго дѣла, которое, казалось, было въ рукахъ дѣятелей: — ос-

лаблять сколь возможно развитіе болѣзни въ отдѣльныхъ селеніяхъ и спасать отъ смерти погибающихъ. Въ какой степени среда дѣятельности врачебнаго персонала соотвѣтствовала достиженію этой скромной цѣли и насколько зависело это отъ распоряженій комитета и дѣйствій новопривышей помощи — это заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія.

Главное управленіе російскаго общества „Краснаго Креста“ и просвѣщенныя врачи, участвовавшіе въ комиссіи, составленной въ Петербургѣ по дѣлу нашей губерніи, рассчитывали, что посылаемые отряды 30 врачей и 300 сестеръ милосердія придутъ не въ пустынную въ медицинскомъ отношеніи страну и будутъ только дополненіемъ и подкрѣпленіемъ главныхъ силъ существующей уже благоустроенной земской медицины, на дѣлѣ же вышло нѣсколько иначе: если они и прибыли не въ пустынную въ медицинскомъ отношеніи страну, то во всякомъ случаѣ существующая помощь въ ней была только кажущаяся: медицинскіе участки большіе, при развѣдной (почти повсю-

ду въ губерніи) системѣ, существовали безъ ощутительной пользы; врачи мѣнялись часто, народъ не имѣлъ къ нимъ довѣрія и не зналъ къ кому обращаться, или же, не видя помощи и отъ посѣщенія врача, часто запоздалаго и всегда кратковременнаго, не обращался вовсе. Нѣкоторые уѣзды, во время эпидеміи, по прибытіи отряда „Краснаго Креста“, упразднили существующіе участки, въ другихъ же уѣздахъ—земскіе врачи одновременно всѣ подавали въ отставку, такъ что цѣлые уѣзды оставались при одномъ врачѣ „Краснаго Креста“. Врачи были почти постоянно въ разъѣздахъ; разстоянія приходилось пробѣжать большія, а ѣзда была чрезвычайно медленная; нерѣдко лошадей приходилось ждать, или лошади цѣлыя станціи едва везли шагомъ, а въ осенніе мѣсяцы, когда болѣе всего было заболѣваній дифтеритомъ, затрудненія въ путяхъ сообщенія были еще въ большей степени*). Вообще земская

*) Путешественникамъ по полтавской губерніи приходилось слышать отъ земскихъ ямщиковъ, въ оправданіе медленной ѣзды, слѣдующіе слова: „То та парка, что докторовъ и фельдшеровъ возить“.

медицина въ полтавской губерніи находилась въ весьма плохомъ, или лучше сказать, еще въ младенческомъ состояніи и даже существованіе четвертый годъ эпидеміи, побудившее просить посторонней помощи, повидимому, нисколько не озаботило мѣстныхъ дѣятелей! Чѣмъ объяснить это, дѣйствительно ли невозможностью, или же крайнею безпечностью—повсюду царствующею апатіею—остается неразъясненнымъ.

Члены уѣздныхъ земскихъ управъ и мѣстные врачи (за немногими исключеніями), затрудненные многими новыми хлопотами и не видя успѣха въ борьбѣ, приписывали это ошибочнымъ распоряженіямъ комитета и стали относиться къ дѣлу несочувственно. Врачи „Краснаго Креста“ ощущали себя одинокими въ пространствахъ разсѣянна больныхъ, и конечно чувствовали свое безсиліе; ихъ самыя необходимыя требованія нерѣдко не были исполняемы, но они трудились, не оставляя дѣла, и твердо выносили на своихъ плечахъ всѣ эти безпорядки, неустройства и недостаточность земской медицины. Съ ними

вмѣстѣ терпѣли и сестры милосердія, безропотно перенося всѣ тягости своего одинокаго положенія. Исполняя принятія на себя обязанности, врачи считали долгомъ производить дезинфекцію обще-принятымъ наилучшимъ способомъ, но для жителей весьма затруднительнымъ, отчего почти повсюду стали въ непріязненныя отношенія къ населенію. Также и то нужно принять во вниманіе, что во множествѣ селеній эта экстренная, настойчиво требующая дезинфекціи, помощь пришла уже поздно, потому, конечно, по всѣмъ селеніямъ, гдѣ эпидемія уже унесла много жертвъ, она встрѣчена была еще менѣе привѣтливо: „*Что вы ко мнѣ пришли теперь, когда уже у меня умерли все дѣти; для чего мнѣ ваше окуриваніе?*“ Таковы были слова одного отца семейства въ одномъ изъ селеній полтавскаго уѣзда.

При такомъ истинно-несчастномъ положеніи врачебнаго дѣла, среди бѣднѣйшаго и невѣжественнаго населенія, при столь значительной всеобщей неурядицѣ и несочувствію къ дѣлу весьма многихъ людей, которыхъ содѣй-

ствіе и участіе было необходимо, что же могъ сдѣлать распорядительный комитетъ? Какая система дѣйствій могла быть пригодною? Нѣтъ такого мудреца, который могъ бы разрѣшить эту задачу!

Если мы прибавимъ ко всему сказанному еще далеко неясное понятіе о дифтеритѣ въ наукѣ, со всѣми колебавшимися взглядами и предположеніями о зарожденіи его, характерѣ заразы, способахъ лѣченія, не общающихся выздоровленія и дезинфекціи, только по аналогіи съ нѣкоторыми другими заразными болѣзнями,—то все это дѣло, при вышеизложенныхъ затрудненіяхъ, представляется столь запутаннымъ и многосложнымъ, что нѣтъ никакой надежды съ нимъ справиться. Потому то съѣздъ врачей полтавской губерніи, бывшій въ сентябрѣ 1880 года, представилъ безотрадную картину всеобщей неудачи и рѣши нѣкоторыхъ врачей подходили болѣе всего какъ бы на протестъ въ томъ, что ихъ завлекли въ какое то безвыходное и крайне затруднительное, компрометирующее ихъ дѣло. Высказывались упре-

ки распорядительному комитету, земскимъ дѣятелямъ и сказанныя мною заключительныя слова на съѣздѣ этомъ, въ засѣданіи 15 сентября, были вызваны общимъ настроеніемъ членовъ съѣзда раскрыть истинное положеніе дѣла, какъ оно есть. Дѣло выставлено было въ настоящемъ его видѣ и борьба съ эпидеміею, при условіяхъ нынѣ существующихъ, признана была врачами прежде всего бесполезною тратою, а затѣмъ низведена была до степени одиночной помощи, которая, конечно, всегда и вездѣ могла быть полезна, но и для спасенія погибающихъ необходимы во всякой мѣстности какія-либо приспособленія, согласно мѣстнымъ условіямъ населенія, безъ чего самая помощь становится ничтожною, въ сравненіи съ тѣмъ, каковою она могла бы быть;—такова, по нашему убѣжденію, она была въ дѣйствительности. Конечно, въ отдѣльных селеніяхъ болѣе часто посѣщаемыхъ врачами, выздоравли нѣкоторые болѣные, какъ дифтеритомъ такъ и другими болѣзнями, которые могли бы умереть безъ участія врача, но

случаи такіе, при иныхъ лучшихъ условіяхъ организаціи помощи (ненарушеніи правильно разъ установленнаго числа медицинскаго персонала, запасѣ во время доставленныхъ мѣстными управленіями лѣкарствъ, безостановочной и скорой почтовой ѣздѣ, существованіи хорошо устроенныхъ мѣстныхъ больницекъ, обильной мѣстной благотворительности, при участіи въ дѣлѣ достаточнаго класса и многого еще чего другого), были бы многочисленны и оказанная помощь принесла бы дѣйствительно замѣтную пользу и приблизила бы процентъ смертности къ нормальному*). Въ настоящемъ дѣлѣ по справедливости можно сказать, что она была въ ничтожныхъ размѣрахъ.

Д. Ахшарумовъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Нормальный процентъ смертности населенія полтавской губерніи, выведенный мною изъ статистической таблицы объ умершихъ по возрастамъ (помѣщенной въ составленной мною брошюрѣ о дифтеритѣ за 1879 годъ), въ теченіи четырехъ предшествовавшихъ эпидеміи годовъ, равенъ 3,604 т. е. 36,04 pro mille населенія. Средняя смертность дифтеритнаго возраста (отъ 1 до 10 лѣтъ) за эти предшествовавшіе эпидеміи годы, т. е. нормальная смертность этого возраста—11,4 pro mille. Въ 1877 году послѣдняя возросла до 13,7, а въ 1878 году до 16,0—pro mille.